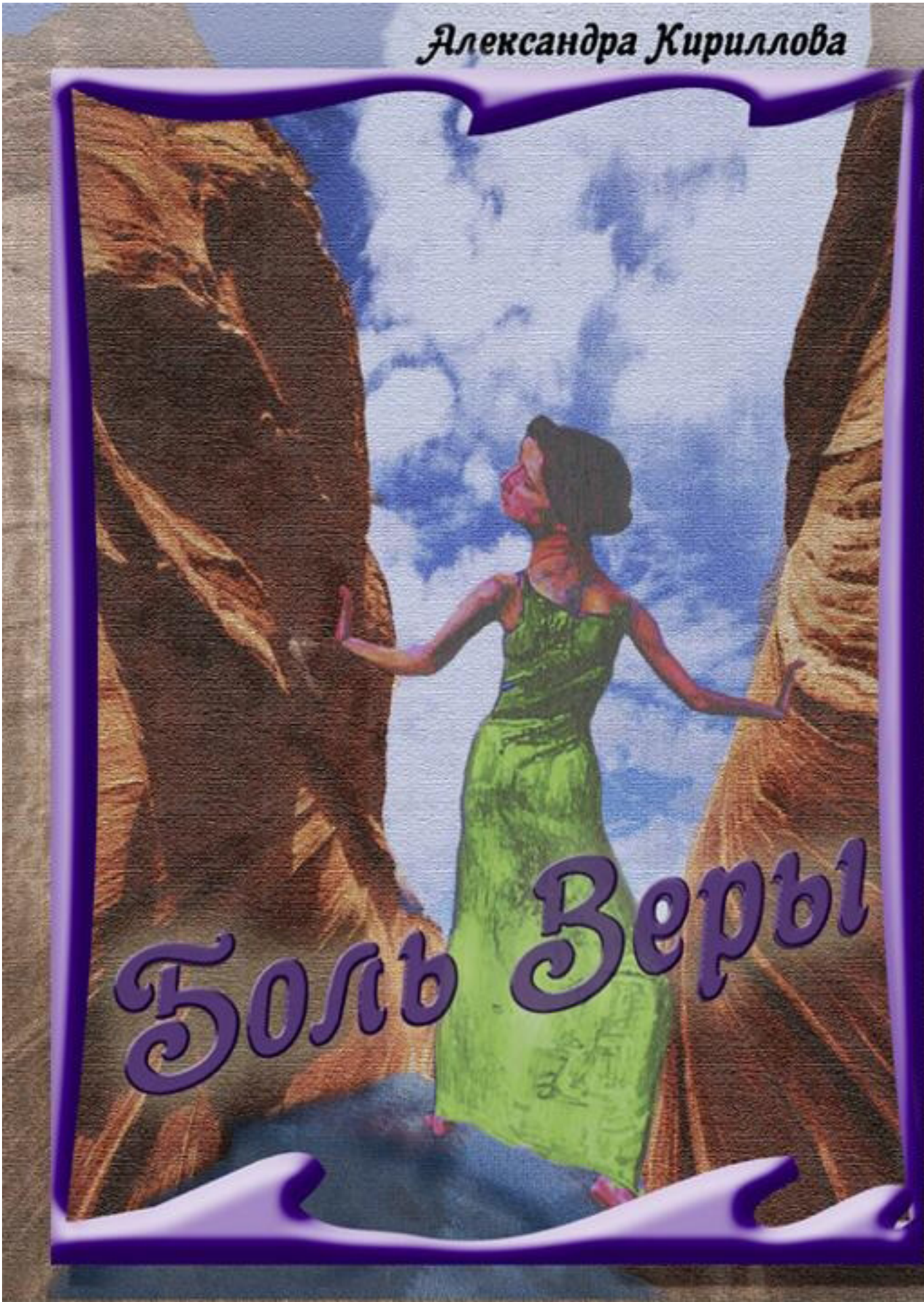

Александра Кириллова

The illustration depicts a woman with dark hair in a bun, wearing a long, vibrant green dress. She stands in a narrow, rocky crevice, her arms outstretched as if feeling the walls. The sky above is a deep blue with soft, white clouds. The entire scene is framed by a thick, purple border that has a wavy, ribbon-like appearance at the top and bottom.

Большая Веры

Александра Юрьевна Кириллова

Боль Веры

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11809367
Боль Веры: Остеон-Пресс; Ногинск; 2015
ISBN 978-5-85689-075-3

Аннотация

Жизнь и быт этой рано уставшей женщины движутся в постоянной колее однотонных событий. У неё есть своя квартира, но жизнь в ней невыносима из-за постоянных конфликтов и придирок матери, от чего женщина старается под любым предлогом ускользнуть из «домашнего ада». У неё есть маленький любимый сын, но Вера почти не видит его из-за препон, которые устраивает мать. У Веры есть подруги, но им она безразлична, ибо в их глазах является неудачницей, ведь у неё нет ни мужа, ни машины, да ещё и самой зарабатывать приходится. И наконец, Вера всем сердцем желает что-то изменить, но комплекс собственной неполноценности и страхи начисто лишают её сил, а душевная боль то и дело переходит в физическую. Но вот в её жизни происходит случайное знакомство, от которого Вера, по привычке, хотела уклониться, но настойчивость молодого человека оказалась сильнее. Дальше в жизни женщины происходит ряд случайных встреч и событий, которые также производят впечатление на Веру, подталкивая её к новым решениям и действиям. Но хватит ли сил у Веры окончательно изменить себя и свою жизнь? Смогут ли молодые люди обрести своё счастье вместе? Станет ли Вера настоящей матерью для своего сына, как и мечтала в последние годы? Отступится ли от привычного давления Екатерина Петровна или продолжит рушить жизнь своей дочери? И как весенний круговорот событий отразится на судьбах прочих героев романа? Всё это вы узнаете, если прочитаете новую книгу Александры Кирилловой «Боль Веры».

Александра Кириллова

Боль Веры

Наконец-то пришла весна. Пусть пока только календарная, но это было уже что-то. Повсюду еще лежал снег, на обочинах нагло восседали грязные сугробы, как сутулые толстяки, небо напоминало сморщенную серую кожу, оно подрагивало, задевая головы высоток, но рука передвинула красный квадратик на цифру один там, где большими буквами написано «МАРТ», и старый мир в одно мгновение треснул, как льдинка под каблуком. Простое, но при этом магическое действие все изменило. Стало очевидно – зима закончилась, пришел новый сезон, а значит, мир не потерял свой извечный распорядок, и вращение земного шара, пусть иногда в этом и заставляли усомниться обстоятельства, продолжалось все в ту же сторону. И очередной снегопад, и холодный, прошивающий прохожих своими иглами ветер, и сугробы, и серое небо – все это было уже не в счет и словно понарошку.

Первого марта Вера пришла на работу раньше всех, а уходила последняя. Без повода. Просто у нее было такое настроение – ей было не жаль ни своего времени, ни себя. Жалеть себя – этот сезон уже закончился, так она решила. Наоборот, ей хотелось работать, двигаться, все успевать и при этом ужасно не хотелось идти домой.

Проводив своих коллег, Вера деятельно и даже с улыбкой вернулась на рабочее место. В большом кабинете, который обычно, как курятник, наполнен бессмысленными движениями и голосами, сейчас было пусто и тихо. Это ощущение таинства очень радовало Веру, она чувствовала себя принцессой, забытой в бальном зале. Можно было кружиться, топтать и хлопать, петь и смеяться. Но Вера всего лишь села за компьютер и продолжила набивать должностные инструкции.

Когда работа, которую Вера на сегодня себе определила, была сделана, она разложила бумаги по папкам, достала влажную салфетку и протерла свой рабочий стол, потом с какой-то надеждой окинула взглядом кабинет, с радостью вспомнила, что надо полить цветы. Сделала и это. Горшков было всего три, и, видимо, Вере этого показалось мало. Тогда она собрала грязные кружки со столов своих коллег, а они всегда оставляли грязные кружки, как их ни ругай, и понесла мыть их в офисную кухню. «Пусть им будет стыдно», – подумала Вера. Но подумала она это не со злостью. Это была игра или поучение, с каким старшие сестры обычно обращаются к малышам.

Стоя над раковиной и подставляя под струю воды очередную кружку, она думала о ее владелице. Все кружки были давно знакомы и, казалось, как домашние питомцы, несли в себе черты своих хозяев.

Кружка с Эйфелевой башней принадлежала начальнице их отдела кадров. В этом нелепом рисунке была отражена вся человеческая суть Надежды Семеновны. Она никогда не была в Париже и кружку купила в магазине «Все по тридцать рублей». Но ей очень хотелось показать и самой поверить, что к Парижу она все же имеет какое-то отношение, а Эйфелева башня отражает ее жизненную позицию – изящное, но непреклонное стремление вверх.

Вера относилась к Надежде Семеновне без страха и раздражения, хоть и понимала всю ее чужаковатость. Ее строгость и требовательность принимались как должное, более того – как необходимое условие взаимоотношений в коллективе. Но все остальные, совершенно искусственные проявления ее власти – придирки, хроническое недовольство своими сотрудниками, нарочитая скрупулезность и просто человеческая черствость – вызывали у Веры недоумение, а иногда даже смех.

Надежде Семеновне было немного за пятьдесят, она была одинока. Никто не знал, был ли у нее когда-либо муж. Сама она о своей личной жизни ничего не рассказывала. Лишь однажды, когда Вера делилась переживаниями о здоровье своего маленького сына, Надежда

Семеновна как-то задумчиво прокомментировала: «Я в молодости боялась рожать ребенка, думала, я не справлюсь со всеми этими болезнями, заботами, проблемами. Сейчас-то понимаю, что все это мелочи. Вот Вера, одна, без мужа, а справляется, еще и работает...» Эта реплика начальницы ввела коллектив в небольшое замешательство, и тему быстро сменили. Деликатность вопроса была настолько ощутима, а образ, который Надежда Семеновна несла в себе, был настолько строг, что ни у кого не возникло и мысли задать каких-либо уточняющих вопросов. Все сделали вид, что просто не услышали этих ее слов.

Надежда Семеновна ставила себя как высококультурного человека, и уж точно самого культурного в своем отделе. Она не сомневалась, что, кроме нее, здесь никто не знает ни Ренуара, ни Кустодиева, ни Цвейга, ни Блока. Ее подчиненные даже не пытались это оспаривать, потому что понимали, определенная степень глупости – выгодная защита от начальства.

Ярчайшим примером тому была обладательница кружки с розовым медведем. Это даже не керамическое, а пластмассовое изделие, купленное в отделе товаров для детей, принадлежало Ниночке. Она пришла работать в отдел кадров в прошлом году после аспирантуры. Зачем и по какому профилю Ниночка училась в аспирантуре, было абсолютно непонятно. Судя по всему, в аспирантуру, как и на эту работу, ее устроил папа. Ее все так и звали – Ниночка, и это было уже не имя, а целая категория образов: «ниточка», «веточка», «ленточка», что-то тонкое, легкое и абсолютно беспомощное.

Ниночка была из той касты современных молодых девушек, которые упорно не хотят взрослеть. У нее уже появились первые морщины, но она продолжала называть себя ребенком. «Зачем ребенка обижают?» – спрашивала она коллег, складывая губки в грустной гримасе, когда те нагружали ее работой. А работу она выполняла очень аккуратно, неторопливо, десять раз перечитывала графы в бланках, прежде чем что-то туда вписать. Она так медленно открывала папки с документами и так плавно водила пальцем по страницам, что Вере было тошно на нее смотреть. За то время, пока Ниночка находила личное дело и вписывала в ведомость дату рождения сотрудника, Вера успевала выполнить сотню звонков и напечатать сотню документов.

Это могло показаться странным, но Надежда Семеновна никогда Ниночку не ругала. Если на вопрос о готовности работы Ниночка отвечала отрицательно, Надежда Семеновна просто принимала это к сведению и продолжала ждать. У остальных коллег Ниночка тоже не вызывала раздражения, наверное, потому, что все очень правильно определили ее место и назначение. Она была как аквариум или как орхидея в горшочке – приятный элемент рабочей атмосферы: улыбчивая, тихая, с уложенными в аккуратное каре светло-русыми волосами, с серьгами-перышками в ушах, с большим количеством оборок на всех элементах одежды и розовым мишкой на чашке.

Когда Вера заводила долгие дискуссии с кем-то из своих коллег на жизненные темы, особенно с Аллой Алексеевной – своей ближайшей компаньонкой, с которой они могли болтать часами, выстраивая Вавилонские башни рассуждений, Ниночка садилась рядом, нисколько того не стесняясь, подпирала щеку рукой и смотрела на Веру и Аллу Алексеевну молча и восхищенно, как болельщик следит за теннисным матчем, переводя взгляд справа налево, с одного игрока на другого.

Алла Алексеевна называла ее «наша дурочка» и вздыхала с какой-то грустью. Видимо, она думала, что быть дурочкой – это ужасное горе для женщины. Сама Алла Алексеевна была дама острого ума с хорошим образованием, но «неудачной карьерой», как говорила она про себя. Вера ценила ее за чувство юмора, за элегантную язвительность и патологическое желание спорить на любые темы.

Кружка Аллы Алексеевны была большая, как сама Алла Алексеевна. На ней было написано «Big Mama», и подарил ее Алле Алексеевне ее взрослый сын. Судя по надписи, чувство юмора и сарказм передались ему по наследству от матери.

Алла Алексеевна была полная дама с короткой стрижкой. Ходила она всегда в широких брюках и широких блузках, от чего ее фигура, особенно когда она шла по коридору и полы ее одежды развевались, казалась необъятной. Она не шла в такие моменты, а летела, как большой черный призрак, и всем несчастным, оказавшимся в это время в коридоре, грозило неминуемое притирание к стене.

Алла Алексеевна могла часами вспоминать и подвергать словесной экзекуции какого-нибудь халтурно исполняющего свои обязанности сотрудника компании или своего непутевого мужа, грубую продавщицу, случайного прохожего, даже любимого сына, если тот в чем-то провинился (а делал он это довольно часто), вызывая всплески хохота в кабинете мудреными речевыми оборотами. Но при этом она всегда добродушно откликалась на просьбы о помощи, и Вера ее ценила за грамотность и ответственность.

Совсем другой была Катя Коврижная. Вот уж точно к кому никогда не следовало обращаться за поддержкой. Эти две буквы К в ее имени и фамилии, казалось Вере, все объясняли. Катя была такого же возраста, как и Вера, ей тоже было тридцать пять, но по характеру она была совсем другая: высокомерная и холодная, не знающая, что такое уступчивость. Она была пунктуальна и строга к формальностям, идеально исполняла свои обязанности, никогда не опаздывала и была правой рукой начальницы Надежды Семеновны.

Катя была замужем, у нее было двое детей, и жизнь ее складывалась весьма неплохо, но вечно недовольное выражение ее лица, взгляд, никогда не излучавший энтузиазма или задора, ее суждения обо всем, начинавшиеся словами «идиоты» или «как надоело...», свидетельствовали об обратном. Казалось, эта женщина прошла через годы страданий и невзгод, и горький ее опыт убил в ней всякую надежду на простую человеческую радость. Нельзя было сказать, что она совсем чуралась общества или была нелюдимой. С Верой как раз она и любила поговорить, но Вере всегда казалось, что эти разговоры походили на общение директора школы с проштрафившимся учеником, а еще они очень болезненно напоминали разговоры с мамой, которые никогда ни к чему не приводили и не давали никаких ответов, только убеждали Веру в собственной неполноценности.

Кружка у Кати была из темно-синего стекла без какого-либо рисунка, и только она была чистая. Но Вера все равно с каким-то необъяснимым мазохизмом стала тщательно вымывать ее, ухмыляясь при этом и думая, что Катя скорее бы умерла, чем заставила себя помыть или хотя бы взять в руки Верину кружку.

А Верина кружка была очень смешной. Она была привезена в качестве сувенира из Анапы, о чем и свидетельствовала надпись красными буквами «Анапа», а внизу синим курсивом «Черное море». Почему-то розовый дельфин был центром композиции. Но вся эта нелепость и разноцветность не смущали Веру, они в точности отображали стиль курортного города, поездку в который с сыном прошлым летом ей было приятно вспоминать.

Этот отдых прошел замечательно по многим причинам. Во-первых, и эта причина была самой главной, Вера смогла наконец-то побыть со своим сыном один на один, как настоящая мать, которой она уже почти перестала себя чувствовать. Во-вторых, она сбежала от работы, из мрачного офиса, от мрачных коллег, которых вынуждена была наблюдать с утра до вечера, на играющие всеми красками и звуками приморские бульвары, к искрящемуся морю, к веселым зазывалам и торговцам самыми абсурдными и ненужными вещами на свете, к уличным музыкантам и художникам, в этот «адский балаган», как называла брезгливо Анапу Верина мама, от чего это место становилось еще более привлекательным.

А вот то, что Вера смогла отдохнуть и от своей матери, и было третьей причиной.

Вера жила с мамой, потому что после развода ей пришлось вернуться в родительский дом. Отец давно бросил мать и уехал в Германию, так что мама жила одна в двухкомнатной квартире, и поначалу Веру даже радовала такая конструкция – она могла работать, а мама ухаживала за внуком.

Но мечты никогда не прорисовывают деталей.

Совместное проживание с мамой привело к тому, что Вере все меньше хотелось возвращаться домой. Ее дом перестал быть местом отдыха и покоя, он превратился в экзаменационный класс, в камеру пыток, в комнату допросов.

На сегодняшний вечер повод был найден. Если мама позвонит или спросит при встрече, а спать она, конечно же, не ляжет, пока не встретит Веру в коридоре с какой-нибудь очередной обидной репликой, то Вера ответит ей, что возникла срочная необходимость доделать какую-то очень важную работу.

«Важная» работа давно была сделана, цветы политы, кружки вымыты. Вера присела на краешек своего стола, сложила руки на груди и задумалась. Сегодня она опять не поиграет, не поговорит с сыном, он будет спать, когда она вернется. Даже если Вера очень спешит, уходя ровно в шесть из офиса, она приезжает домой, когда сын уже лежит в кровати. Бабушка всегда укладывает его рано спать, объясняя тем, что ему рано вставать в садик. Но Вере кажется, что ее мать делает это специально, из вредности или с каким-то непонятным укором. Но когда маленький Сережа не спит, Вера хотя бы читает ему или просто ложится рядом и гладит по волосам, рассказывает что-то и поет колыбельные. А сегодня она, придя домой, как обычно в таких ситуациях, прошмыгнет в душ, потом так же поспешно заварит себе чай или нальет кефир и закроется в своей комнате, притворившись умершей. Это, конечно, не спасает от маминых вопросов и нравоучений, но все же снизит их вероятность до минимума.

Пока Вера сидела так в задумчивости на краешке своего стола, в коридоре послышался какой-то шорох, потом стук тележки и шаги. Это пришла уборщица. Вера и прежде задерживалась в офисе до ее прихода, поэтому знала, что это Юлдуз – женщина из Узбекистана, тихая и стеснительная, и, если Вера сейчас не уйдет из кабинета, Юлдуз не сможет нормально работать.

– Юля, это ты? – крикнула Вера через дверь, дабы предупредить женщину, что та здесь не одна.

– Да-а, – неуверенно протянула Юлдуз в ответ. Она давно уже смирилась с тем, что на русский лад ее называют Юлей.

Юлдуз осторожно приоткрыла дверь и заглянула в кабинет.

– Здравствуйте, – слегка улыбаясь, произнесла она, глядя на Веру. По-русски она разговаривала с небольшим акцентом, но достаточно грамотно.

– Здравствуй, – сказала Вера бодро и встала ей навстречу. – Я уже ухожу, не буду тебе мешать, только выключу компьютер.

– Вы мне не мешаете, – тихо проговорила Юлдуз и осторожно переступила порог кабинета. Следом за собой она аккуратно завезла тележку, на которой стоял пылесос, ведра с водой и швабры. Она ступала и делала все так плавно, точно боялась разбудить кого-то. Остановив тележку в центре, она сняла пылесос и стала неспешно разматывать электрический шнур, бросая на Веру ожидающие взгляды.

– Я знаю, что мешаю, – убедилась Вера, – я сама не люблю убираться, когда кто-то сидит в помещении и смотрит на тебя.

– Ничего, – пожала плечами Юлдуз, она говорила все слова одним тоном, от этого ее речь походила на молитву, – я даже рада, что сегодня здесь не одна. Я привыкла к людям, к суете. Я на вокзале убиралась. Там, знаете, как весело. Все ходят, кричат, ругаются.

– Весело? – переспросила Вера, не понимая, шутит эта женщина или говорит серьезно.

– Бывало и не весело, – спокойно отвечала Юлдуз, явно без тени иронии, – когда на меня ругались.

Она продолжила разматывать черный электрический провод. Руки у нее были крупные и крепкие, сразу видно, переделавшие много работы на своем веку, однако чистые, с аккуратно подстриженными ногтями и маленьким серебряным колечком на среднем пальце.

– Потому что плохо убирала... так они говорили, – объяснила она, поймав удивленный взгляд Веры.

– Но я знаю, ты всегда очень аккуратно работаешь, – возмутилась Вера, удивляясь при этом тому, с какой простотой и искренностью эта женщина говорит о пережитых недо-разумениях.

– Там очень много было работы, много людей, – Юлдуз достала из пакета тряпочки разных цветов и разной текстуры и стала их раскладывать на столе в ряд, точно готовя на выставку, – все мусор кидают, – продолжала она, – бутылки бьют, плюют. А какие там туалеты страшные...

– Ужас! – перебила ее Вера, не желая дослушивать подробности о страшных туалетах. – Я думала, ты через агентство приехала и сразу в офис устроилась на работу. Ты ведь у нас уже второй год работаешь.

– Агентство? – тут Юлдуз впервые рассмеялась, и Вера обратила внимания, что у нее совсем нет морщинок, а зубы очень ровные и белые. Она догадывалась, что этой женщине столько же лет, сколько ей, но сейчас, глядя на ее черные вскинутые брови, на белую гладкую кожу, на черные с синей искоркой глаза, она как-то смутилась.

– Юля, а у тебя есть дети? – спросила Вера, желая установить истину.

– Есть, – осторожно ответила Юлдуз, не понимая, к чему идет разговор.

– Они здесь, в Москве?

– Конечно. А где же им быть, – женщина с удивлением пожала плечами. – Муж мой бросил нас, а мать его выгнала нас на улицу.

– Как это выгнала? – Вера, пытавшаяся все это время собирать сумку и выйти из кабинета, оставила вещи на столе и подошла ближе к своей собеседнице. Банальный обмен любезностями перерос в интересный разговор.

– Мать сказала, что ее сын на другой женился в Москве, и я ей никто, и дети мои не нужны. – Юлдуз сделала движение рукой, отмахиваясь от себя, желая, видимо, показать, как ее свекровь выгоняла их из дома. – Я у подруги жила, а потом с подругой приехала сюда работать.

– И детей привезла с собой, – констатировала Вера.

– Привезла, – еще раз повторила Юлдуз, – и дочку старшую, ей четырнадцать лет, и сына, ему десять, у него паралич ног.

– Господи, какой кошмар, – почти вскрикнула Вера. – Почему?

– Врачи не знают, – спокойно и почти не реагируя на Верины выкрики, продолжала Юлдуз, – когда родился, ножки чуть-чуть двигались, потом совсем не двигались.

– Родовая травма? – все так же эмоционально вопрошала Вера. – Как же ты справляешься, Юля?

На лице узбекской женщины появилась спокойная и добрая улыбка. Без всякого под-воха и надрыва она ответила:

– Хорошо справляюсь.

Вера смотрела на нее глазами, полными удивления и страха. Этот ответ бедной женщины изумил Веру больше, чем все предыдущие описания. Вера молчала, а Юлдуз продолжала:

– Дочку в школу устроила. Соседка помогла, когда я дворником работала. Сын дома занимается, учительница из школы ходит.

– А живете вы где?

– Комнату снимаем.

Вера закачала в недоумении головой, словно хотела сказать: «Такого не бывает», но молчала. Она не знала, что еще спросить. И тут она вспомнила, с чего начала этот разговор, с простого вопроса:

– Юля, а сколько тебе лет?

– Тридцать один.

– Тридцать один, – повторила Вера, и потом, точно обращаясь к какому-то новому невидимому собеседнику, произнесла: – Да-а! Значит, когда тебе будет столько, сколько мне, ты станешь директором нашей компании.

Юлдуз опять рассмеялась.

– Я не хочу быть директором, – по-детски искренне возразила она. – Я хочу, чтоб дочка в медицинский колледж поступила. Медсестрой будет работать.

Она отвернувшись и стала с умилением разглядывать орудия своего труда, аккуратно уложенные на столе, потом выбрала одну тряпочку и направилась в дальний конец кабинета к рабочему столу Надежды Семеновны.

Вера взяла сумку и подошла к двери.

– Юля, – сказала она на пороге, – я поговорю с начальницей насчет другой должности для тебя. Не могу обещать, но у нас на складе есть вакансии, там зарплаты в два раза больше...

Вера говорила все это поспешно, словно боялась не успеть сказать нужные слова, но скорее всего она боялась, что передумает, и ей не хватит смелости предложить свою помощь.

– И еще. Свой стол я протерла, – как-то стыдливо добавила Вера. – До свидания!

– До свидания! – ответила Юлдуз, провожая Веру взглядом, не выражающим ни зависти, ни злости, ни надежды.

* * *

Когда Вера вышла на улицу, было еще не совсем темно, и это радовало и удивляло одновременно. За долгие месяцы крошечной зимней темноты глаз отвык видеть город в дневных красках. День прибавлялся, пусть на несколько минут за сутки, но эти малые минуты были так ощутимы, словно добавляли целую жизнь.

Вера шла в сторону метро по уже опустевшей улице. Населенные офисными работниками, вечерами, центральные кварталы становились пустыми, словно закрытые музеи, и Вера рассматривала старинные фасады и чугунные ограды, высокие колонны и гербы над парадными большими дубовыми дверями, будто видела это все впервые.

«В этих домах всегда жили богатые люди, – почему-то подумала она. – И сейчас здесь обитают люди не самые бедные. Работают в красивых офисах, на первом этаже у них ресторан, а там, где раньше был балый зал, теперь – конференц-холл. А кто-то моет туалеты на вокзале... Почему одним достается все и легко, а кто-то добывает малую искорку ценою собственной жизни? Может, мы так расплачиваемся за свои прошлые грехи, может, это и есть ад... прямо здесь?» – Верин взгляд вонзился в огромный рекламный плакат, на котором длинноногая блондинка в золотом платье зачем-то держала в руках разводной ключ. Вера вздрогнула от неожиданности. Ей показалось, что мысли в ее голове чекаются в ритм ее шагов, потому она немного замедлила шаг. «Эта женщина, видимо, сделана из камня, – она опять вспомнила Юлдуз. – Такая покорная и тихая с виду, никогда не перечит, стойко сносит все унижения. Но сколько в ней силы – больше, чем в каждом из нас. Уж точно больше, чем во мне».

Чем ближе Вера подходила к метро, тем больше она окуналась в свечение разноцветных рекламных экранов, в звуки перекликающихся между собой мелодий, доносившихся из каждого кафе, в людские голоса, в движение толпы. В конце концов этот бурлящий городской водоворот поглотил ее, и поток ее мыслей остановился.

Когда она встала на эскалатор и тот потащил ее вместе с другими пассажирами, как страшный конвейер, в горнило подземки, Вера почувствовала знакомое и такое неприятное ощущение – у нее опять заболело где-то в районе солнечного сплетения.

Эти странные болевые ощущения преследовали Веру уже многие годы. Сначала она думала, что это банальный гастрит, но врачи убедили Веру, что это шалит поджелудочная. Множественные исследования и долгие приемы лекарств не возымели никакого действия. Боль периодически возникала снова и оставалась на несколько недель. Она не давала нормально дышать и двигаться, спать и есть, мешала работать и вселяла отчаяние и злость.

И сейчас Верино лицо перекосила мученическая гримаса, а в мыслях, обращаясь сама к себе, она заключила: «Прекрасно! Хотела сбросить пару кило – сейчас сбросишь все пять!»

Это горестное утверждение было неслучайным. Каждый раз, когда Вери наступал очередной приступ болезни, она стремительно худела просто потому, что не хотела и не могла есть. Ее рацион составляли травяные чаи и овсяная каша на воде, которые спасали только тем, что от них болевые ощущения не усиливались, потому что любые другие, даже самые безобидные блюда вызывали страшное ощущение тяжести, «словно в груди зашит шар для боулинга», – говорила Вера.

«А ведь завтра у нас встреча с девчонками», – с горечью вспомнила Вера. Эти встречи стали уже традиционными, они проходили один-два раза в месяц у кого-нибудь из девчонок дома. Основным развлечением на этих мероприятиях было, конечно же, меню. И не просто меню, а тематический банкет: украинская, грузинская, мексиканская кухня, «сладкий вечер» с шампанским, пивная вечеринка с креветками, индийский ужин в окружении благовоний и свеч. По телевизору всегда щебетала какая-нибудь новая мелодрама, звучали бесконечные рассказы о несносных мужьях или любовниках, о безвкусно одевающихся коллегах и, конечно же, о неподдающихся воспитанию детях, на фоне пирогов со шпинатом делалось много селфи, которые тут же выкладывались во все социальные сети.

Такая встреча должна была состояться завтра дома у Лены, ближайшей Вериной подруги, с которой в институте они пять лет просидели рядом на всех лекциях. Эта вечеринка обещала быть приятнейшим и милейшим праздником сердца, ума и желудка, Вера ждала ее, как единственного глотка свежего воздуха. И тут такое разочарование.

«Может, обойдется», – с угасающей надеждой подумала Вера. По опыту она знала, что эти ощущения не имеют никакой системы и не связаны с внешними причинами. Боль вспыхивала, как назойливый голос цикады в ночи, необъяснимо, по одному ей ведомому желанию. Она могла остановиться спустя недолгое время, а могла тянуть свою песню бесконечно.

В вагоне метро было уже не так много пассажиров, как сразу после окончания рабочего дня, и в углу даже было одно свободное место, но Вера решила не садиться, опять же по той причине, что от этого ей могло стать только хуже. Она держалась за перила и смотрела то на свое отражение в окне, где ее лицо, как в кривом зеркале, уродливо растягивалось, то на рекламные постеры. На одном из них, где рекламировали отдых на море, была помещена фотография пляжа с пальмами и влюбленной парочкой, уходящей по песку вдаль. Фотография была нереально красочная и резала глаз. Вера даже слегка прищурилась или поморщилась, как от вспышки, при первом взгляде на нее.

«Почему идеальный отдых возможен только в паре? – пришло ей вдруг на ум. – Вот у меня нет пары, значит, я априори не могу хорошо отдохнуть? И море будет не таким ядовито-голубым, и песок будет не лимонного цвета... Так получается?»

Вера горестно вздохнула и перевела взгляд на свое отражение в стекле, словно возвращаясь из сказочного мира в реальность. Там ее лицо в этот момент походило на какую-то маску из фильма ужасов. Она наклонила голову вбок, и плоскость стекла изменилась. Стало еще хуже, у нее выпучился нос и рот, и лицо превратилось в обезьянью мордочку. Вера улыбнулась: «Вот и ищи себе пару с такой рожей».

Она не отводила глаз от стекла, заставляя себя смотреть на уродливое отражение. Это самоистязание было не чем иным, как колким стеблем, вытянувшимся из зерна физической боли. «Мама права, ты уже не первый сорт, а скоро будешь и не второй».

Поезд выехал на станцию, за окнами побежали ряды белого мрамора, и отражение в стекле исчезло, точно страшные демоны из параллельного мира, испугались света. Вере пришлось опять взглянуть на картинку с пляжем. «А может, он ее бьет, а она ему изменяет, – с ядовитой ухмылкой подумала Вера, разглядывая мускулистую фигуру мужчины и тонкое тело девушки. – Кто решил, что именно так выглядит человеческое счастье? Почему они не поместили сюда старенькую бабушку с внуком или двух подружек среднего возраста, таких, как мы с Ленкой. Мы бы с ней великолепно отдохнули, дали бы нам такую возможность».

Вера закрыла глаза. Ей было уже физически больно смотреть на ядовитый постер. Лишь еще на мгновение она открыла их, чтобы разглядеть текст в верхней части картинки. «Как называется эта фирма? Надо запомнить, чтобы никогда к ним не обращаться!»

* * *

Когда Вера подошла к двери квартиры, было уже начало одиннадцатого, но дверь оказалась заперта на щеколду с внутренней стороны. Значит, мама не спала и ждала ее.

Понимая, что самостоятельно дверь она не откроет, Вера вытащила ключ из замочной скважины с тихим стоном разочарования, с каким обычно игроки осознают свой провал. Звонок мог разбудить маленького Сережу, поэтому Вера легонько постучала в дверь.

Верина мама Екатерина Петровна открыла не сразу, но Вера знала, она прекрасно слышала ее стук, потому что последние два часа как минимум она вся была погружена в ожидание своей дочери, даже если читала или смотрела телевизор.

– Решила все-таки прийти, – вместо приветствия недовольно пробубнила Екатерина Петровна, бросая взгляд за Верину спину, точно проверяя, не пришел ли кто за ней следом. – А почему там не осталась ночевать?

Вера переступила порог и, стараясь не глядеть на мать, подошла к вешалке. В коридоре было темно, но свет зажечь она не решилась и стала быстро расстегивать пальто.

– Где там? – спросила она, вырывая пуговицы из петель. – Я была в офисе все это время. Много работы.

На кухне негромко работал телевизор, но мать не спешила вернуться туда. Она встала на расстоянии начала боксерского поединка и сложила руки на груди.

«Господи, и не устала же она», – косясь на нее, подумала Вера.

– Работы много, – передразнила Екатерина Петровна. – А зарплаты мало. Толку от твоих сидений? Тебе за это доплачивают?

Екатерина Петровна все так же, как и в молодости, когда она работала музыкальным концертмейстером, завязывала волосы в тугий пучок. Голова ее была уже совсем седая, и от этого худое вытянутое лицо стало с годами еще холоднее. Прежде ярко-огненные волосы оттеняли ее бледность и придавали ей страсти в чертах, а высокий рост и осанка демонстрировали стать и характер. Сейчас же остались и стать, и характер, а вот красок и жизни в этой женщине почти не осталось.

Вера бросила пальто на вешалку, скинула сапоги и, даже не тратя времени на одевание тапочек, босиком направилась в спасительную ванную.

– У меня нет проблем с деньгами, – сказала она, закрывая за собой дверь, надеясь закончить на этом разговор.

– Зато у твоего ребенка есть! – тут же парировала мать и поймала рукой закрывающуюся дверь в ванную комнату. Она с все так же скрещенными на груди руками встала на пороге, давая понять, что хлопнуть перед ее носом дверью она не позволит.

Вера отвернулась и включила воду над раковиной. В зеркале туалетного шкафчика она увидела за своей спиной раздраженное лицо матери. Вера быстро наклонила голову вниз и стала умываться.

– Ты бы поинтересовалась, сколько стоит содержание твоего ребенка, – продолжал шипеть голос за спиной.

«Началось», – Вера прикладывала к лицу ладони, наполненные прохладной водой, и ей захотелось поднести вот так руки к лицу и не убирать больше.

– Я всю свою прошлую пенсию потратила на зимний комбинезон и новые ботинки.

– Это была твоя инициатива, – попыталась возразить Вера, не поднимая головы. – У него были комбинезон и ботинки...

– Конечно, у такой безответственной матери ребенок всегда ходил бы в рванье. Тебе легко говорить, ты с ним не гуляешь, не ходишь никуда, даже не разговариваешь. А мне стыдно на площадку выходить в латаных штанах.

Вера вытерла лицо полотенцем и стала расстегивать блузку.

– Хорошо устроилась, живешь на мою пенсию, – не успокаивалась мать, – твой мужек ни копейки на ребенка не платит, потому что ни во что тебя не ставит и никогда не ставил...

– Можно я приму душ? – оборвала ее Вера и вскинула на мать гневный взгляд.

Екатерина Петровна глотнула воздуха, желая, видимо, дать достойный ответ, но через мгновение передумала, развернулась и вышла в коридор.

Вера схватила отпущенную на свободу дверь и поспешно, боясь, что мать вернется, закрыла ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.